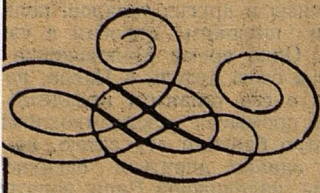




«...ОН ПЕСНИ ДИВНЫЕ ЗАПЕЛ»



В стихотворении И. И. Козлова «К Светлане», написанном в 1821 году, есть такие строки:

...Мне рано отцвела весна,
И солнце в полдень
закатилось...

В этих строках поэта — жалоба на свою нелегкую судьбу, полную драматических коллизий, на тяжкие испытания, выпавшие на его долю.

А поначалу все шло благополучно в жизни Ивана Ивановича Козлова. Он родился и провел детство в Москве, в богатом дворянском доме. Имел славное имя — предки его уже при Петре I, а затем при Екатерине II занимали высокие должности в армии и при дворе. Рос под присмотром иностранных гувернеров, но с великой любовью относился ко всему русскому — истинно родному и, изучая разные литературы, отдавал предпочтение русским книгам.

Пяти лет от роду Козлов по обычаю того времени был определен сержантом в лейб-гвардии Измайловский полк и, ни разу в полку не появившись, «дослужился» до чина подпоручика. Можно было при желании сделать быструю и блестящую военную карьеру, но Козлов в девятнадцать лет подает в отставку и устраивается чиновником в московскую канцелярию.

В ту пору «первопрестольная» славилась своими пышными балами, пестрыми маскарадами, массовыми гуляньями, зимними катаньями на санях, на тройках. Стройный, ловкий в движениях, с тонкими чертами красивого, одухотворенного лица, с изысканными манерами, остроумный, общительный, И. И. Козлов был чуждым и желанным участником всех светских развлечений. И только самые душевные друзья его — В. А. Жуковский, братья Тургеневы — знали, что он, ведя светский образ жизни, ни на один день не оставляет своих литературных занятий, влечение к которым испытывал с ранних лет.

После наполеоновского нашествия и пожара, уничтожившего и отцовскую усадьбу, И. И. Козлов переезжает в Петербург. Здесь, как и в Москве, он благодаря близости к В. А. Жуковскому и его окружению находится в центре нарождающегося в России литературного движения.

Как известно, в те годы идеи вольности, принесенные с Запада, овладели всеми передовыми умами, а блестящий расцвет новой молодой поэзии обогатил русскую романтическую традицию новым содержанием и формами. К именам Карамзина, Жуковского, Батюшкова прибавились имена Пушкина, Баратынского, Дельвига, Веневитинова. Творческие поиски поэтов-романтиков увлекли и И. И. Козлова. Его лирические стихотворения сразу же завоевали любовь читателей.

Для И. И. Козлова это было одновременно радостное и очень печальное время. С пер-

выми литературными успехами пришла к нему и большая человеческая беда: внезапно отнялись пораженные параличом ноги, а вскоре пропало зрение. К началу двадцатых годов, в неполные сорок лет, Козлов из блестящего светского человека, «записного танцовщика» превратился в недвижимого слепца. Отныне для него «жизненное пространство» значительно сократилось, а литературный труд сделался единственной отрадой в жизни. 8 января 1822 года Н. И. Тургенев сделал в своем дневнике запись о поэте: «Ужасно его положение, но сам он говорит, что невидимость его соединила напряженные сил душевных и возвысила его душу».

Вскоре И. И. Козлов становится одним из самых популярных русских поэтов-романтиков. Его поэтический талант лирика раскрывается в этот период во всей своей полной и светлой силе. «Козлов соединяет в своей поэзии гармонию языка, прелесть поэтических движений, живость картин и ясность мыслей. Он так быстро отгадал все тайны поэтического слога, что решительно приближается к разряду первоклассных стихотворцев наших», — заметил в одной из своих статей критик и издатель журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевой.

Погруженный в мир собственных чувств и переживаний, вспоминая и по-новому остро ощущая и переосмысливая свое прошлое, И. И. Козлов стремится выразить в своих произведениях «и скорбь, и радость бытия», а также «правду, состояние души, глубоко страждущей», но не сломленной, а по-прежнему рвущейся к насыщенной жизни:

Когда же я в себе самом,
Как в бездне мрачной,
погружаюсь, —
Каким волшебным я шитом
От черных дум обороняюсь!
Я слышу дивной арфы звон,
Любимцев муз внимаю пенье,
Огнем небесным оживлен;
Мне льется в душу
вдохновение,
И сердце бьется, дух кипит,
И новый мир мне предстает;
Я в нем живу,
я в нем мечтаю...

«Стихи его, полные прелестью поэзии, наводят на душу какое-то сладкое очарование», — писал о Козлове его современник П. П. Свиньин.

Но особенно дорогим для поэта было мнение о его творчестве великого Пушкина. «Надо похвалиться: Пушкин пишет к Дельвигу — обнимаю Матюшкина как истинного лицеиста, Козлова как истинного поэта», — восторженно сообщал Козлов Жуковскому.

В свою очередь А. С. Пушкин, отбывая в Михайловском ссылку, интересуется, как отнесся И. И. Козлов к его «Евгению Онегину», и откровенно спрашивает об этом брата Льва: «Что Козлов слепой? ты читал ему Он <егина>?». В 1825 году в печати появилась поэма И. И. Козлова «Чернец». А. С. Пушкин в письме к П. А. Плетневу отзывался о ней с похва-

лой, на что последний ему ответил: «Козлова завтра увижу и прочитаю твое письмо. Он твоим словом больше дорожит, нежели всеми громкими похвалами».

Экземпляр «Чернеца» с надписью «Милому Александру Сергеевичу Пушкину от автора» И. И. Козлов отправил в Михайловское. Этот подарок необычайно растрогал А. С. Пушкина, он написал брату: «Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть...». Лично И. И. Козлову А. С. Пушкин ответил посланием:

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир
земной,
Мгновенно твой проснулся
Гений,
На все минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел...

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенно дал отрады,
Я не хочу другой награды —
Недаром темною степей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Исключительна жанровая многогранность творческого наследия И. И. Козлова. Он создавал поэмы, баллады, элегии, патристические стихотворения, свободолюбивую и философскую лирику, песни в народном духе, вольные переводы и подражания. О последних критик Аполлон Григорьев в статье «Стихотворения Ивана Козлова» писал: «...Он не обыкновенный переводчик и не обыкновенный подражатель: он переводит только то и подражает только тому, что связано внутренним гармоническим единством с его душевным миром: в переводном и подражательном он высказывает свое собственное созерцание — и на переводах его, на его подражаниях лежит его печать, печать его натуры».

Козлов переводил произведения лучших поэтов Англии, Франции, Италии. Но предпочтение он отдавал Дж. Байрону. Иногда переводы его воспринимались читателями как оригинальные стихотворения, становились популярными песнями. Такова, например, судьба «Вечернего звона».

Стихотворные образы Козлова вдохновляли его младших современников. Лермонтовская поэма «Мцыри», например, тесно связана с козовским «Чернецом», Ф. Тютчев «Соблазнился» козовским образом в стихотворении «День вечерел». А. Фет «взял взаймы» образ из «Сердце цветет» и т. д. Отголоски тонкого лиризма И. И. Козлова нашли свой отклик и в более позднее время в произведениях И. Бунина, С. Есенина.

Слепой поэт, по выражению П. А. Вяземского, умел в окружающей его жизни увидеть то, что не могли разглядеть «у нас и зрячие». В его произведениях ощущалось дыхание эпохи, затрагивались животрепещущие проблемы современности, его голос звучал в защиту «вольно-сти святой».

Это он томящемуся в крепости Мункач Александру Ипсиланти адресовал стихотворение со словами: «...Иль быть свободным, иль совсем не быть». Тотчас после отъезда жен декабристов в Сибирь завершает Козлов работу над поэмой «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» — гимном во славу высоких нравственных и душевных качеств русских женщин, способных на героизм и подвиг во имя любви.

Эта поэма достигла сибирских окраин, куда были сосланы участники мятежа 1825 года, и стала для них одним из любимых произведений. «Мы видели людей с сильным чувством, с умом и просвещением, которые плакали, читая новую поэму Козлова», — писал в «Московском телеграфе» Н. А. Полевой.

Необыкновенная судьба, спокойное мужество, жизненная стойкость, прекрасная поэзия привлекали к И. И. Козлову многих его современников. Свою стихотворную легенду «Фарис» ему посвятил Адам Мицкевич, бывавший в гостях у слепого поэта, дороживший его оценкой собственных произведений. Козлов перевел на русский язык его «Крымские сонеты».

Поражались его мужеству и другие современники. «Никогда в душе моей не изгладится сильное впечатление, какое испытал я, проведя несколько часов подле болезненного одра, на коем сидел Козлов, — рассказывал Н. А. Полевой на страницах «Московского телеграфа». — Говоря с Козловым, я забыл, что он слепой, что бремя болезни приковало его к одру страдания. Мы говорили о многом, и необыкновенная память, и обширные сведения Козлова изумили меня».

В 1833 году вышло в свет двухтомное собрание стихотворений И. И. Козлова. Поэмы, лучшие стихи, переводы, издававшиеся до того порознь — а некоторые из них по два, три раза, — теперь были собраны издателем А. Ф. Смирдиным в два небольших изысканных тома, переплетенных в кожу. С волнением держал их в руках сам автор, как никогда ранее осознавший в этот миг правомочность своего признания:

Восторгом оживлен
небесным,
Я был не раб земных оков,
Органом звонким и чудесным
В огромной стройности
миров.

Рецензиями, полными похвал и добрых слов, откликнулись на собрание его сочинений П. А. Плетнев, Н. А. Полевой, М. П. Погодин. Все они, следуя за А. С. Пушкиным, определившим в свое время непреходящее литературное значение И. И. Козлова, признавали его права «на венок поэтический». Признают эти права также критики и читатели нынешнего поколения.

Галина ПУШКИНА,
старший научный
сотрудник
Государственного музея
А. С. Пушкина